

— Это, разумеется, праздник — взобраться на гору своих семидесяти лет, но скорее все-таки тайная ревизия, — сказал Зия-ака.

Улыбка... Нет, скорее ее нарек, отраженный в больших глазах. Крупное, красивое лицо. Подумалось! «А можно ли не крупно представить Зию Самади? Не получится: это будет не его портрет».

Сколько я помню этого человека? Восемнадцать, двадцать лет? Где-то около этого. Изменился ли он? Не знаю... Все та же безупречная, строгая элегантность. Ну, а годы... Что ж, у них своя работа — убавлять в одном, но и щедро добавлять в другом. И главное — в опыте.

— Вы — драматург, Зия-ака. Во всяком случае, начинали с этого жанра. Как вы относитесь к своему, кстати, единственному в мире национальному театру?

— Это надо понять. В середине тридцатых годов пьесы — мои первенцы, например «Кровавое пятно», ставились и игрались кружковцами-любителями в Синьцзяне, где живет семь миллионов уйгуров. Наш театр, располагающий квалифицированной труппой и солидной творческой базой, ориентируется на предполагаемую аудиторию всего лишь в триста тысяч советских уйгуров (хотя его постановки смотрят и казахи, и русские — все интересующиеся искусством сцены). Однако у семи-то миллионов уйгуров пока нет своего театра.

Так вот, мне бы хотелось видеть уйгурский театр более, что ли, активным в показе того, чем и на какой благодатной земле мы живем и в каких условиях.

Зия-ака приподнял голову. Помолчал. Взгляд его был обращен к широкому окну. Но что ему открывалось там — за окном — вот в это мгновение? Какая даль? Какие горизонты?

— Я стал драматур-

• Зие Самади — 70 лет

ГОРИЗОНТЫ ТВОРЧЕСТВА

гом, может, потому, что начинал жизнь учителем, — сказал Зия-ака. — Я работал в Кульдже в культурно-просветительном обществе среди чуть ли не сплошь неграмотных людей. Буква книги для них была закрыта. Зато они, как дети, непосредственно понимали и принимали слова, произнесенные на их родном языке. Они-то и указали мне путь в драматургию. Зия-ака задумался. Догадываюсь, о чем. Вернее, даже знаю. Я смотрел в свое время и даже

рецензировал «Герип и Санам» — пьесу, написанную З. Самади на основе яркого, неповторимо самобытного фольклорного материала, видел, как принимался этот спектакль. «Герип и Санам» — уже теперь стала классическим произведением в ряду уйгурской драматургии. Зия-ака, конечно же, знает об этом. Как писатель он знает и то, что его диалогия «Тайны годов», пронизанная народным духом, героикой борьбы за свободу, за на-

циональное самоопределение, переведена на русский язык и стала известна всесоюзному читателю. Его роман о героине уйгурского народа «Маимхан», посвященный одной из драматических страниц истории уйгуров, читается на казахском, русском, узбекском языках. Роман экранизирован. Первый уйгурский художественный фильм «Год дракона» создан на его основе. Кинокартину смотрела вся страна.

А он говорит о зеленых предгорьях своего далекого детства, о дымаках над тихими, даже тайными домишками родного села Ханхай. Бродит память по извилистым, крутым тропам своей беспокойной молодости. Он горд за свой народ.

Писателю открыта правда времени. Зия-ака много повидал и испытал на своем веку. Он — историк и художник в одном лице.

— Зия-ака, последний, простите, неделикатный вопрос. Как вы относитесь непосредственно к себе?

— К себе?.. У меня три сына, две дочери. Внуков — семь граждан. Они любят жизнь, и живет им, думаю, не так уж грустно. А друзья... Я дружу с Габитом Мусреповым, Абдильдой Тажибаевым, Сырбаем Мауленовым. И творчески дружу, и семьями. И, наконец, раз уж речь обо мне, разве мое «я», какое оно там никакое, не частичка всего человечества? Как я отношусь к себе? До конца, до беспредельных возможностей хочу жизни и мира. Для памяти, для грядущего. Иначе, какой же смысл быть человеком?

— Семьдесят лет — почтенный возраст, а вот старость — понятие относительное, — подумал я, глядя на Зию-ака.

В. БЕРНАДСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Зия Самади.

Фото В. Ваколкина.

44 ЮН 1984

Кочергин Алма-Нис
г. Алма-Ата